

Лиза ШТЕРН

СТАРЫЙ ЗАМОК

18+

@ЭЛИТА

Лиза Штерн

Старый замок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10312476

Лиза Штерн. Старый замок: ЭИ «@элита»; Екатеринбург; 2015

Аннотация

Виктору повезло. Он устроился на работу актёром в ресторан «Старый замок». Два рабочих дня в неделю и немислимая заработная плата. О чем, еще может мечтать молодой человек?!

Однако, после первой рабочей смены выясняется, что компания, в которую устроился Виктор, специализируется на реконструкции средневековых пыток, в которых ему отводится самая ответственная роль – терпеть боль и издевательства, тем самым забавляя зрителей.

Виктор понимает, что не может более оставаться на этой работе, но расторгнуть договор со «Старым замком» оказывается невозможно. Виктор решает, во что бы то ни стало освободиться из этого ада.

Лиза Штерн

Старый замок

© ЭИ «@элита» 2015

1

Она смотрела в окно, облокотившись на подоконник. Белоснежные клочья облаков плыли по нежно-голубому небу. Деревья, словно стройные солдаты, окаймляли детскую площадку, над которой висело безмолвие. «В одиннадцать утра буднего дня всегда тихо», – отметила она про себя. Палец коснулся пыльного развода. Когда она в последний раз мыла окна?! Ещё весной... Или в конце зимы. Она приоткрыла форточку, и сквозь сетку потянуло тёплым воздухом. Типичное летнее утро, одинокое и безжизненное.

Дочь недавно уснула. Муж ещё спал. На кухне царил тишина, которую иногда прерывал шум мотора проезжающих машин. Она отметила про себя, что с рождением ребёнка тишина приобретает особенную ценность. Она любила свою маленькую дочь, но были моменты, в которые хотелось провалиться сквозь землю. Детский плач. Грязные пелёнки. Хронический недосып. Усталость.

Она широко зевнула. Веки налились свинцом. За последние сутки ей удалось вздремнуть часика два, и сейчас она

валилась с ног.

Она неторопливо встала с табуретки и поплелась в комнату. Зевнула ещё раз. Взгляд остановился на зеркале в коридоре. Из него смотрела измученная женщина лет тридцати, в потёртом халате, который, вероятно, куплен в советские времена.

Она остановилась. Чёрные точки на носу. Тонкие морщины на лбу. Безжизненные волосы с потемневшими корнями. Как же она себя запустила! Её глаза заблестели, но она сдержалась, чтобы не расплакаться. Ей всего двадцать два, а халат она купила меньше года назад, перед тем, как её увезли в родильное отделение. После родов халат превратился в повседневную одежду и приобрёл въевшиеся пятна.

Она отвернулась от зеркала. Отражение пугало и настораживало. Она ненавидела ту женщину, в которую превратилась. Заносчивую наседку, которая измотана до такой степени, что не может заставить себя помыть пыльные окна.

Она посеменила в комнату. Единственное, чего ей хотелось прямо сейчас – выспаться. Конечно, ребёнок не сможет спать целый день. Дочь проснётся в лучшем случае часа через три, в худшем – может расплакаться прямо сейчас.

Она не должна терять ни секунды. Пусть ей не удастся выспаться как следует, но она сможет немного подремать, а потом, может быть, соберётся с силами, и наконец вымоет окна.

Муж сидел на кровати, нащупывая босыми ногами тапки. Их взгляды встретились, и он произнёс:

– Что у нас на завтрак, дорогая?

Его голос звучал игриво, но от обращения «дорогая» её передёрнуло. Их брак нельзя назвать счастливым. Постоянные скандалы. Взаимная усталость. Муж называл жену «дорогой» или «милой», когда хотел, чтобы она по дороге домой купила для него бутылочку пива, или сказала его друзьям, которым он задолжал некоторую мелочёвку, что его нет.

– Плохое настроение, – буркнула она, сбрасывая халатик. Она нырнула под одеяло. Постель была мягкой и приятной. От неё пахло долгожданным отдыхом.

– Марина, ты научилась шутить?! – изумился он, и в его глазах заиграли озорные лучики.

– Виктор, шутят те, кому больше нечем заняться, а у меня и без шуток хватает дел, – зевнула она.

Веки закрылись, и Марина мгновенно провалилась в темноту. Раньше она часто страдала от бессонницы. Могла до рассвета ворочаться в постели, сбивая простынь. Сейчас засыпала мгновенно. Капризы ребёнка – лучшее средство от бессонницы.

Шаги мужа удалялись. Марина вытащила руки из-под одеяла. В комнате душно.

– Марина, ты не приготовила завтрак?

Её веки распахнулись от неожиданности, и в глаза ударил яркий свет. Да, она не приготовила завтрак. В холодильнике пусто. В кошельке тоже. Виктор в состоянии сообразить самостоятельно, что из воздуха завтрак не приготовишь.

– Да... Говорю же: мне не до шуток, – пробормотала она, повернувшись на бок.

Виктор стоял в дверном проёме. В его глазах читалось разочарование.

– Я хочу есть, – сказал он, скрестив руки на груди.

Его слова звучали как приказ, не требующий комментариев. Веки осторожно приподнялись. Похоже, что вздремнуть не удастся.

– Я тоже хочу есть, – призналась она, приподнимаясь, словно зомби из гроба. Живот заурчал, подтверждая искренность слов. Стекланный взгляд буравил мужа, спрашивая, когда он уйдёт. Пальцы теребили кончик пододеяльника.

– Ты вчера ходила в магазин. Почему ты не купила продуктов? – спросил Виктор.

Марина сомневалась, что скандала можно избежать. Он созрел, как огромный фурункул, и готовился в любой момент взорваться, разбрызгивая липкий гной.

– Я ходила в аптеку. У Инночки проявилась аллергия, и если бы я не купила лекарство, которое прописал врач, наша дочь покрылась бы слоем мелкой сыпи...

– У нас оставалось пятьсот рублей! Ты потратила все деньги на лекарство?

Марина ответила утвердительно. Она потратила пятьсот рублей на средство против аллергии для детей. Если говорить начистоту, то лекарство обошлось в четыреста девяносто рублей, но сдачи не хватило и на пакет молока.

– Эти врачи совсем обнаглели! Они прописывают дорогие лекарства, потому что сами имеют процент от их продажи! – рявкнул Виктор.

В голосе слышалось негодование. Марина и сама была недовольна ценами на лекарства, но что она могла поделать? Виктор не работал, она получала мизерное пособие по уходу за ребёнком. Её родители иногда подбрасывали им лишнюю копейку, и если бы не их помощь, молодая семья давно оказалась бы на улице. Они снимали однокомнатную квартиру на окраине Смоленска за шесть тысяч рублей в месяц. Сущие копейки по сравнению с огромными ценами, ставшими постоянными гостями на рынке жилья.

– Главное, что лекарство помогло. Сыпь практически прошла. Лишь на животике осталось несколько маленьких пятнышек, – сказала Марина.

– Я был бы крайне удивлён, если бы лекарство за пятьсот рублей не помогло! – возмутился Виктор.

Голова Марины упала на подушку. Обстановка накалялась. Инночка заёрзала в колыбели.

– Говори тише. Ты разбудишь ребёнка, – сказала Марина. Надежда немного вздремнуть не оставляла её, хотя разум твердил, что лучше добровольно отказаться от этой идеи.

В животе снова заурчало. Тяжёлые веки спешили прикрыть глаза. Сон – лучшее средство борьбы с голодом.

– Мы должны придумать, где достать деньги, – сказал Виктор.

Он сидел на краю кровати. Марина закатила глаза:

– Ты – мужчина. Ты – глава семьи! Ты должен решать, откуда в нашей семье будут появляться деньги, а не спрашивать по утрам, готов ли завтрак, – пробормотала Марина.

– Что?! Ты считаешь меня виноватым в том, что у Инночки появилась сыпь, чтобы устранить которую пришлось потратить последние пятьсот рублей?! – вспыхнул Виктор.

Марина приподнялась. Несколько прядей волос упали на лицо.

– Ты переворачиваешь мои слова! – зашипела она, – Ты не виноват в том, что Инночка подхватила аллергию. Ты не виноват в том, что лекарство оказалось слишком дорогим. Ты виноват в том, что наша семья постоянно бедствует. Если бы ты работал, нам не пришлось бы кланчить деньги у моей матери для того, чтобы заплатить за квартиру. Если бы ты работал, в холодильнике были бы продукты, и мне не пришлось бы тратить последние пятьсот рублей на лекарство. В каком веке ты живёшь? Пятьсот рублей давно не деньги, чтобы их экономить!

– Замолчи! Я не хочу тебя слушать.

– Ты сам начал этот разговор. Устройся на работу! Я умоляю тебя... Приказываю... Устройся на работу... Мы умрём с голода, а потом скончается наша дочь, если ты не начнёшь приносить домой зарплату...

– Замолчи... Ты же знаешь, что я ищу работу... Ты знаешь, что я хочу обеспечивать семью... Ты знаешь, что я чув-

ствую себя некомфортно от того, что мы постоянно нуждаемся.

– Ищешь... Только не работу, а где бы выпить. Ни одна вакансия для тебя не подходит. Грузчиком работать тяжело. Официантом – стыдно. Дворником – пыльно. Курьером – не с твоими большими ногами. Охранником – скучно. Директором тебя не берут...

– Замолчи! Замолчи! Я хочу найти хорошую работу, а не подписаться на вечное рабство за копейки. Скажи, если я буду мести улицы и получать за это пять тысяч в месяц, наш бюджет выйдет на новый уровень?! Скажи! Почему ты молчишь?!

– Отстань от меня... Пожалуйста.

Из глаз Марины хлынули слёзы. Она перевернулась на живот и зарылась в подушку. Она любила Виктора. И ненавидела одновременно. Разве о такой жизни она мечтала, когда выходила замуж?! Конечно, нет. Она представляла семейную жизнь по-другому. К слову, Виктор семейную жизнь вообще никак не представлял, и если бы Марина не забеременела, никогда бы не сделал ей предложение. Ей всего двадцать два, а она мотается на оптовый рынок, чтобы купить продуктов дешевле на пять рублей. Причём туда и обратно идёт пешком, чтобы не тратить деньги на проезд.

В это время Инночка с Виктором, и Марина молится по дороге, чтобы муж не забыл её покормить.

Послышались шаги. Виктор всегда уходил, когда не мог

решить проблему, а Марина всегда плакала, когда не могла остановить его.

2

Редкое утро начиналось без скандалов. Виктор закурил на лестничной площадке. Курение натошак – редкая гадость, но выбирать не приходилось. Табачный дым узкой лентой взвился к потолку. Сигарета тлела между указательным и средним пальцами. Виктор не торопился прикончить её. Возвращаться домой не хотелось. Марина превратилась в зануду, которая только и знала, что пилить мужа, а ведь когда-то он её любил. Или думал, что любит. Раньше они вместе развлекались, тратя родительские деньги, а теперь скандалят из-за их отсутствия.

Виктор затушил бычок о консервную банку и закурил снова. Оставалось четыре сигареты. Лучше, чем ничего, но хуже, чем обычно. Нужно срочно раздобыть деньги.

Виктор выдохнул свежую порцию дыма. У родителей точно найдётся одна-другая тысячная купюра, но обращаться к ним не хотелось. Вот уже год, как они думали, что их сын – успешный менеджер по продажам автомобильных запчастей, а такие солидные люди деньги у родителей не просят. Оставались друзья, но не мешало бы отдать старый долг перед тем, как просить о новом. Родители Марины недавно переводили деньги на карточку, да эти деньги растворились,

словно утренний туман.

За дверью раздался детский плач. Дочка проснулась. Мать наверх наклонилась над ней, чтобы проверить подгузник. Кстати и подгузники скоро закончатся. Ребёнок будто стремится поскорее уничтожить все запасы, насмехаясь над нищими родителями.

Виктор вышел из подъезда. Утреннее солнце пригревало. Лёгкий ветер теребил ветви деревьев. Яркое небо предвещало отличную погоду.

Виктор подошёл к газетному киоску. Продавщица читала журнал.

– Газету с вакансиями, пожалуйста, – произнёс Виктор, выгребая последнюю мелочь из кармана шорт.

Продавщица нехотя отложила журнал. Второй подбородок свисал над глянцевою страницей.

– Самую дешёвую, – добавил Виктор.

Продавщица покачала головой, и Виктору на мгновение показалось, что она накинется на него с упрёками, как не стыдно такому здоровому лбу просить дешёвую газету с вакансиями, но промолчала. Впрочем, Виктор был уверен, что продавщица непременно подумала, что он – никчёмный неудачник, покупающий газету с бесплатными объявлениями за двенадцать рублей. Она обменяла газету на деньги и снова занялась журналом.

Виктор хотел поблагодарить её, но потом решил, что не стоит. Он присел на лавку. Из урны, стоящей рядом, шёл ед-

кий дым. Такой запах обычно исходил от плавящейся пластиковой бутылки. Виктор поморщился, но не стал искать другого места. Он машинально достал сигарету, но вспомнил, что запас табака подходит к концу. Тяжёлый вздох вырвался из груди. Виктор не любил экономить, но вернул сигарету в почти пустую пачку.

Объявлений имелось достаточно, но Виктор без интереса пролистывал страницы. Рабочий день грузчика начинался в семь утра, а Виктор не был жаворонком, да и физической силой не отличался. Охранники вкалывали два через два, но сидеть на одном месте и смотреть в одну точку – ещё хуже, чем таскать тяжёлые коробки.

Каждое перелистывание страницы припоминало слова Марины, и Виктор с ужасом понимал, что жена права. Он не работал и не хотел работать. Он не желал содержать самого себя, не то что семью.

– Я должен найти работу! Должен, – прошептал он, перелистнув ещё одну страницу.

Нет. Виктору не было стыдно, и совесть не мучила его. Скорее ему хотелось самоутвердиться, чтобы никто не смел его упрекнуть в никчёмности и иждивении. Виктор больше не желал клянчить деньги на сигареты у жены, которой только дай повод завести бензопилу на режим выноса мозга.

Виктор добрался до раздела «Без определённых навыков». Требовались разнорабочие, курьеры, распространители всякой ерунды, которая никому не нужна, актёры... Вик-

тор перечитал объявление ещё раз.

«Требуются актёры. Опыт работы и образование значения не имеют. Зарплата высокая. Срочно»

На лице Виктора появилась ухмылка. А что?! Он молодой и интересный парень. Почему он не может сыграть роль в очередном комедийном сериале? Разве нужны навыки, чтобы изображать короля вечеринок, или парня-ботаника, помешанного на учёбе?! Хотя с чего он взял, что сериал будет именно комедийным? Быть может, местное телевидение решило снять детектив, и Виктору придётся играть убийцу или вора, скрывающего следы преступления.

Виктору было всё равно. Он считал себя разносторонне развитым, поэтому был уверен, что справится с любой работой. Он, не раздумывая, набрал номер телефона, указанный в объявлении, молясь про себя, чтобы группу актёров ещё не набрали.

– Здравствуйте. Вам ещё требуются актёры? – спросил Виктор, когда гудки сменились хриплым мужским голосом.

– Здравствуйте. Да. Требуются, – ответили на другом конце провода.

Виктор сразу перешёл к шкурному вопросу, но ему сказали, что зарплата и условия работы обсуждаются при собеседовании.

На собеседование Виктору пришлось идти пешком, блуждая по подворотням и закоулкам, ибо город он знал плохо, да и пешком ходить не привык. Мелочь предательски звенела в кармане, но была бесполезна. На крыльце пятиэтажного дома стоял широкоплечий человек с каменным лицом. К его чёрному, словно зимняя ночь, костюму, припекало солнце, и Виктор невольно подумал, что на его месте давно бы сгорел заживо.

– Куда? – спросил незнакомец, когда Виктор переступил через первую ступеньку.

Его голос был безразличным, как эхо в лесу.

– Здравствуйте. На собеседование, – ответил Виктор. Его голос невольно изменился. В нём появились нотки страха.

Человек скрылся за дверью, приказав Виктору ждать. Ноги гудели. Благо, что Виктор жил не в столице, иначе путь до собеседования мог оказаться вечным. Солнце пекло нещадно, и на лбу выступили капли пота. Напротив крыльца два мальчика лет семи катались с горки. Они визжали и смеялись. Где-то в глубине заныла зависть. Виктору не суждено вернуться в беззаботное время, в которое чрезмерная опека родителей раздражает и хочется поскорее стать взрослым.

За спиной раздался знакомый равнодушный голос:

– Наденьте.

Виктор вздрогнул и обернулся. Человек в чёрном костюме протягивал тёмные очки. Виктор хотел спросить, зачем их надевать, но не осмелился.

– Меры безопасности, – пояснил незнакомец, будто прочитав мысли Виктора.

Виктор догадался, что тот работал охранником или швейцаром. Впрочем, какая разница, как называется скучная должность, за исполнение которой платят копейки... хотя по внешнему виду охранника сложно сказать, что он парится в чёрном костюме под едкими лучами за мизерную зарплату.

В чёрных очках практически ничего не было видно. Виктор следовал за охранником по узкому коридору. Под толстыми стёклами стены казались чёрными, и одному богу известен их истинный цвет.

Охранник резко остановился, и Виктор едва не врезался в широкую спину.

– Ваши карманы должны быть пустыми, – сказал охранник, поворачиваясь к Виктору.

Виктор послушно вывернул карманы. Мобильный телефон, пачка сигарет, зажигалка, мелочь опустились на широкую ладонь охранника. Очертания предметов казались размытыми, и Виктор определял, что именно передаёт охраннику на ощупь. Охранник на мгновение отвернулся от Виктора, а потом впихнул ему в руку холодный прямоугольник:

– Перед уходом получите свои вещи по этому жетону, – пояснил он.

Виктор спрятал номерок в карман, после чего ему разрешили войти в кабинет. Виктор решил, что это кабинет директора, но позже понял, что ошибся. Человека, сидящего перед ним, Виктор разглядеть не смог, но голос был таким же безучастным, как голос охранника.

– Фамилия, имя, отчество, – сказал незнакомец.

– Первак Виктор Сергеевич, – машинально ответил Виктор.

– Дата рождения.

– 15 ноября 1991 года.

– Место рождения.

– Смоленск.

После каждого ответа слышался шелест клавиш. Виктор догадался, что данные заносятся в компьютер.

– Какие вредные привычки имеете?

– Выпиваю, курю.

– Есть ли у вас родственники? Если есть, то их фамилии и имена, а также степень родства.

– Мать – Первак Елена, отец – Первак Сергей, жена – Первак Марина, дочь – Первак Инна.

– Сколько лет дочери?

– Девять месяцев.

Наступила пауза, после которой голос сказал:

– Вы должны понимать, что ваша дочь не должна мешать работе. Мы не отпустим вас ни на минуту, если у неё разболится живот или начнут резаться зубы.

– Я понимаю. С дочерью сидит жена. Она в декретном отпуске.

– Хорошо. Тогда я расскажу о корпоративных правилах. Первое правило – соблюдение информационной безопасности. Никто и ни при каких обстоятельствах не должен узнать, кем и где вы работаете, какие обязанности исполняете, имена коллег, начальства и т. д. За соблюдение информационной безопасности компания неплохо платит, поэтому вам придётся отработать полученные деньги. Для того, чтобы мы начали сотрудничать, вы должны подписать документ о неразглашении сведений, которые компания относит к коммерческой тайне.

– Сколько вы платите за соблюдение информационной безопасности?

– Две тысячи рублей в день. Если вы нарушите данное обещание, вам придётся вернуть все полученные деньги, заплатить штраф в размере пятисот тысяч рублей и работать в нашей компании бесплатно пять лет с полной изоляцией от общества.

Внутри что-то сжалось, причитая: «Беги отсюда, беги, пока не поздно», но Виктор не убежал. Он был уверен, что молчать о том, что происходит на работе, за две тысячи рублей в день у него получится.

Тем временем перед ним возник лист бумаги. Что написано, прочитать не удалось из-за проклятых очков.

– Я подпишу, – сказал он.

– И даже не прочитаете?

– В этих очках ничего не видно.

– Тогда снимите их и ознакомьтесь с документом. Если вы откажетесь подписать, то получите пять тысяч рублей за молчание о нашей встрече.

Виктор кивнул. Яркий свет ударил по глазам, привыкшим в темноте, но через некоторое время зрение нормализовалось.

Теперь можно разглядеть окружающую обстановку. От неё веяло пафосом. Дубовая мебель с затейливой резьбой, абстрактные картины на стенах. Человек, проводивший собеседование, замечательно вписывался в интерьер. Костюм с иголки, золотые запонки и перстни. На вид лет сорок.

Виктор заметил бородавку размером с небольшую муху под его нижней губой, и к горлу подкатил тошнотворный комок.

Виктор пробежался по ровным строчкам, понимая, что не имеет права даже заикнуться о работе в любом разговоре. Впрочем, его это не волновало. Он с удовольствием подписал соглашение о неразглашении конфиденциальных сведений. Он не считал себя треплом.

4

– Хорошо. Теперь я могу представиться. Степан Маркович. Начальник отдела персонала.

Виктор кивнул, промолчав, что начальник отдела персонала (иными словами, обычный кадровый крот) выглядел как владелец всего сверхсекретного бизнеса.

Степан Маркович выдвинул первый ящик стола. Перед Виктором мелькнули стопки тысячных и пяти тысячных купюр. Степан Маркович положил на стол две тысячи.

– Возьмите. Это плата за первый день молчания.

Виктор с удовольствием положил деньги в карман. От новой работы пахло деньгами и бездельем. Именно о такой работе мечтает любой уважающий себя гражданин России.

– Теперь поговорим о графике работы, – продолжил Степан Маркович, пряча ключ от ящика с деньгами во внутренний карман замшевого пиджака.

Виктор кивнул.

– Ваш рабочий день будет начинаться с двадцати часов, но поскольку вы претендуете на должность актёра, для того, чтобы начать работать, вам необходимо подготовиться. Поэтому приходите на работу необходимо к девятнадцати часам. Ровно в девятнадцать часов вы должны быть у полиграфолога, который задаст вам несколько вопросов, чтобы проверить, насколько хорошо вы соблюдаете коммерческую тайну. Проверка длится около пятнадцати минут, и в случае успешного результата вы отправляетесь в гримёрную, где готовитесь к работе. В пять утра ваша смена заканчивается.

Степан Маркович вытащил из нагрудного кармана аккуратно сложенный белоснежный платок и вытер капли пота,

выступившие на лбу.

– В пять часов пять минут вы подходите к администратору за расчётом, в который входят пять тысяч рублей за смену и пятьсот рублей на такси до дома. Также вместе с расчётом вы получаете вознаграждение за сохранение коммерческой тайны, которое рассчитывается как произведение тарифа (две тысячи рублей) и количества дней, прошедших с момента предыдущего расчёта.

Виктор не верил услышанному. Неужели он нашёл работу мечты, на которую не нужно вставать на рассвете и за которую платят приличные деньги?! Он ещё не знал, какие обязанности ему придётся исполнять, но был готов на что угодно. Лёгкие деньги манили призрачным пальцем, словно лёгкие наркотики, употребление которых якобы не вызывает привыкания и дарит море позитивных эмоций. Наконец-то он сможет курить качественные сигареты, пить хорошее пиво, а не выпрашивать остатки мелочи у растолстевшей жены на жалкие заменители. Наконец-то сможет содержать семью, а не выслушивать лекции о том, какой он никчёмный мужчина, не способный ни на что, кроме пьянок. Наконец-то он раздаст все долги. Виктор мог фантазировать бесконечно.

– Вас устраивает такой график? – спросил Степан Маркович, прервав размышления Виктора.

Виктор кивнул. Радость не позволяла выдать ни слова.

– Тогда продолжим. Выходить на работу нужно два раза в неделю: в среду и в субботу. Скажу сразу, что в субботу кли-

ентов больше, чем в среду, поэтому вам придётся выложить-ся на полную катушку. Однако эти дни оплачиваются одинаково, как бы компенсируя друг друга. Никаких отгулов, больничных и выходных в среду и субботу не предоставляется. Меняться сменами с другими актёрами нельзя, поэтому потрудитесь заниматься личными делами в свободное от работы время. Единственная допустимая причина невыхода на работу в среду или субботу – это смерть.

После оглашения причины, по которой можно не явиться на работу, Степан Маркович улыбнулся, обнажив ровные белоснежные зубы. Виктор тоже улыбнулся, но его улыбка растянулась, словно тонкая ниточка, скрывая за собой пеньки зубов с коричневым налётом.

– Теперь перейдём к вашим трудовым обязанностям, но для начала я расскажу о концепции заведения. «Старый замок» – это необычный ресторан, в который обеспеченные и солидные люди приходят не для того, чтобы набить брюхо, а для того, чтобы насладиться незабываемым зрелищем, в котором актёры играют ключевую роль. Конечно, посетителям «Старого замка» предлагаются напитки и лёгкие закуски, но основное меню включает в себя список так называемых эпизодов, которые они хотят посмотреть. Вам придётся исполнять любое желание наших гостей.

Тень сомнения перепутала мысли. «Придётся исполнять любое желание гостей», – эти слова показались подозрительными, но что могли пожелать гости? Чтобы актёр постоял на голове, станцевал стриптиз или прокукарекал? Нет. Не может быть слишком просто. Или может быть?!

Пухлые губы Степана Марковича растянулись в неестественной улыбке. Маленькие зрачки заблестели, словно осколок в траве.

– Ты будешь рабом, а не аниматором. Ха-ха-ха, – расхохотался Степан Маркович, сверкая белоснежными зубами. Его уродливая бородавка дрожала при каждом слове.

Виктор закрыл глаза и резко открыл их. Степан Маркович сидел напротив, постукивая длинными пальцами с аккуратными ногтями по дубовому столу. Виктор коснулся ладонью лба. Он горел. Наверное, от переизбытка событий. Галлюцинация о фразе, которую сказал Степан Маркович, также возникла от переутомления. Рабы остались в далёком прошлом. Виктор не помнил, в каком веке крепостное право и рабство отменили окончательно, но точно знал, что времени прошло достаточно, чтобы человечество навсегда забыло о том, что когда-то человека можно было купить на птичьем рынке, как котёнка или попугая.

– Я далёк от актёрского искусства, – пробормотал Виктор,

не понимая, для чего произносит сию фразу.

– Нам и не нужны актёры, – возразил Степан Маркович, – вам не придётся играть никому не интересные спектакли, изображая грусть или радость. От вас требуется лишь одно: не скрывать настоящих эмоций.

Виктор улыбнулся. Камень свалился с души. Он зря запаниковал. Ему нужно прыгать до потолка от счастья. Работа актёром в «Старом замке» – лучшая работа без определённых навыков, которую можно найти на скудном рынке труда. На неё не нужно бежать ни свет ни заря, впихиваясь в переполненный автобус. На ней не нужно таскать тяжести или возиться с бумажками. Для того, чтобы получить деньги, требуется лишь оставаться самим собой и не распространяться о собственном везении. «Старый замок» подтвердил платёжеспособность, когда Степан Маркович вручил две тысячи рублей за подпись на соглашении о неразглашении коммерческой тайны.

Виктору не терпелось подписать трудовой договор, и он сообщил Степану Марковичу об этом.

– Виктор Сергеевич, но вы ещё не знаете о пунктах меню, точнее, об эпизодах, в которых вам придётся принимать участие, – парировал Степан Маркович.

– Плевать. Я справлюсь, – махнул рукой Виктор.

Виктор вернулся домой усталый и голодный. Понедельник подходил к концу, а это значило, что до рабочего дня оставалось практически двое суток. Зато в четверг утром он получит девять тысяч рублей. Если быть точным, то девять тысяч пятьсот рублей. Неужели нужду в деньгах можно считать без вести пропавшей?! Виктор верил в это.

Марина кормила ребёнка из бутылочки. Инночка причмокивала, стреляя глазками по сторонам. В зрачках жены застыло безумие.

– Где ты шатался, скотина? – прошипела она. – Я не спала всю ночь, потому что возилась с Инночкой, а это, между прочим, наш общий ребёнок, и ты, как отец, мог бы тоже участвовать в воспитании дочери.

– Я искал работу, – ответил Виктор.

Настроение было отличное, несмотря на урчащий живот. Мысль о скором приёме пищи не давала впасть в отчаяние, да и уверенность в завтрашнем дне подбадривала.

– В пивнушке за углом? – спросила Марина.

Виктор пришёл в бешенство от сарказма жены, но отвечать тем же не стал. Единственное, чего он хотел, это поесть и вытянуть ноги на диване. На мгновение он пожалел, что решил поделиться с женой заработанными сегодня деньгами. Виктор подумывал, чтобы по дороге домой зайти в сто-

ловую, но отмёл эту мысль. Марина превратилась в сварливую бабу, но она была его женой и матерью его дочери, поэтому Виктор не имел права оставить эти деньги себе.

– Вот. Возьми, – сказал он, протягивая жене тысячу рублей, – сбегай в магазин и купи еды. Мой желудок практически прилип к спине. Ещё немного, и я сдохну от голода.

Марина недоверчиво прикоснулась к купюре и тут же отдёргнула руку.

– Откуда... – вскрикнула она и зажала рот ладонью. Иночка зашевелилась, но снова заснула.

– Откуда у тебя деньги? – произнесла шёпотом Марина, и этот шёпот был пропитан желчью и недоверием.

– Я устроился на работу. Это плата за сегодняшний день, – ответил Виктор, борясь с раздражением. Он не считал, что должен отчитываться перед женой, откуда появились деньги и куда они исчезли. У Виктора оставалось около шестисот рублей, но он не собирался делиться с Мариной ими. У мужчины должны быть собственные деньги, и он имеет право по дороге домой купить сигарет и пару бутылок хорошего пива.

Марина взяла деньги, но недоумевающий взгляд испепелял Виктора:

– Ты врёшь. Ты всегда врёшь. Ни на какую работу ты не устраивался, а шатался с собутыльниками, у которых и занял тысячу. Сколько ты уже должен? Пять? Десять? Двадцать? – запрочитала она.

Её глаза стали влажными от выступающих слёз.

– Заткнись! – отрезал Виктор.

Его распирало от бешенства. Марина имела дурную привычку устраивать беспочвенные допросы, от которых Виктор приходил в ярость.

– Если я сказал, что устроился на работу, значит, устроился на работу. Не хочешь верить, думай, как хочешь, но сходи в магазин за продуктами, а затем приготовь что-нибудь поесть. Если ты не сделаешь этого, в следующий раз я поужинаю в столовой, а ты останешься ни с чем, – добавил Виктор.

Марина всхлипнула, но посеменила к шкафу, чтобы сменить выцветший халат на поношенные футболку и юбку.

7

Марина и Виктор ужинали в тишине. Жена отводила от него взгляд, и Виктор чувствовал себя виноватым, хотя считал, что в последней ссоре его вины не было.

– Хватит дуться, – бросил он, отправляя в рот ещё одну ложку. Никогда раньше гречневая каша не казалась настолько вкусной, но голод творит чудеса, и Виктор был готов сожрать ядрицу даже сырой.

– Где ты был сегодня? – спросила Марина.

В её голосе промелькнуло отчаянье. Виктор стукнул ложкой по тарелке, но промолчал. Зря он начал разговор. Беседы с женой не приводили ни к чему хорошему. По крайней мере, в последнее время. Марина превратилась в зануду, жен-

щину-пилу, подозрительную стерву, ищущую ложь в любом слове. От таких женщин мужчины гуляют налево. О таких женщинах мужчины говорят любовницам гадости, а любовницы их жалеют.

Виктор не был исключением. Отвращение к жене с каждым днём становилось сильнее, но уйти он не мог. Почему? Этот вопрос он задавал себе каждый день, но ответа так и не нашёл. Что-то держало его, как и всех несчастливых в браке, рядом с нелюбимой женой. Наверное, Виктор верил, что всё наладится... Их семья переживает трудный период, вызванный рождением ребёнка и безденежьем. Но чёрная полоса всегда сменяется белой. Нужно только подождать. Что-то внутри безапелляционно верило в это.

– Я сказал, что нашёл работу, – ответил Виктор.

– Да, сказал, но я хочу знать правду.

– Это правда, – отрезал Виктор, еле сдерживаясь, чтобы снова не сорваться.

– И куда же ты устроился?

Виктор ожидал такого вопроса, но не подготовил ответ. Сказать правду он не мог, да и вряд ли бы жена поверила правде. За непродолжительное время семейной жизни у Марины сложились определённые стереотипы о том, что может произойти с её мужем, а чего с ним произойти не может. Виктор виделся ей неудачником, не способным добиться ничего, поэтому любой успех мужа воспринимался в штыки. Чтобы вопрос о работе отпал раз и навсегда, нужно сказать

что-то такое, что укладывалось бы в общую концепцию образа мужа-неудачника, сформировавшегося в голове Марины.

– Ты молчишь, потому что соврал, что нашёл работу. Ты всегда врёшь, – всхлипнула Марина, убирая со стола грязную посуду.

Виктор мог бы согласиться, но допрос на этом не закончится. Марина продолжит допытываться, откуда у Виктора появилась тысяча рублей. Правде она верить не желает, значит, Виктор соврёт ей, что взял в долг у приятеля. Безработный муж занимает у друзей деньги, чтобы купить гречневой крупы. Да. Этот факт отлично укладывается в голове Марины, но она тут же вспыхивает, как сухая спичка. Негодование заразительно. Жена считает Виктора никчёмным и не пренебрегает лишним раз напомнить об этом. Виктор бесится, когда жена его пилит. Всё это приводит к очередному скандалу. Нет. Нужно убедить её, что работа существует.

– Я молчу, потому что ты не веришь, – ответил Виктор.

В голове крутились разные мысли. Марине нужно что-нибудь сказать. Что-нибудь приемлемое для шаблонного сознания Марины.

– Ты никогда не работал. Как я могу поверить тебе?

– А теперь решился изменить образ жизни.

– Куда ты устроился?

Виктор замялся. Он так и не придумал ничего правдоподобного.

– В компанию «Молочные продукты», – выпалил он первое, что пришло в голову. Виктор не знал, существует ли на самом деле такая фирма, но надеялся, что Марина не станет проверять.

– И в качестве кого тебя туда взяли? – спросила Марина.

– В качестве грузчика.

– Теперь верю, – улыбнулась Марина.

Виктор облегчённо вздохнул. Марина поверила. Допрос окончен.

8

Марина не могла уснуть, хотя порядком измоталась. Она лежала, не шевелясь. Тело ломило. Сколько она поспала за последние сутки? Часа четыре? Три? Она не знала. Инночка почти всегда плакала, требуя внимания, и матери приходилось подстраивать сон под её график. Сейчас Инночка сопела в колыбели. Редкий момент, но организм отказывался им воспользоваться. Виктор храпел рядом, отвернувшись от жены. Наконец-таки он устроился на работу. Марина молила всевышнего, чтобы это оказалось правдой. Теперь им не придётся жить в долг и отказываться от завтрака, чтобы купить лекарства для дочери. Теперь всё наладится, хотя тёплые отношения вряд ли удастся вернуть. Марине всего двадцать два, а она ощущает себя на все сорок, да и выглядит так же. Загнанная ломовая лошадь.

На глазах навернулись слёзы. Каких-то два года назад Марина была привлекательной девушкой. Её стройные ноги выглядывали из-под ярких мини-юбок, заставляя парней сворачивать шеи. А сейчас?! Сейчас Марина вынуждена прятать целлюлит на ляжках под бесформенными брюками и юбками в пол. После родов пропал и плоский живот, которым она гордилась. Уродливые складки на животе... Они не исчезали. Слёзы потекли по пухлым щекам.

За Мариной ухаживало три парня. Почему же она вышла за Виктора?! Потому что Виктор был самым-самым. Таких, как он, называют «рубаха-парень». С такими, как Виктор, весело в любом обществе. Он говорит тосты, которые невозможно не поддержать. Он может постоять за себя и за любимую девушку. Все его уважают и любят.

Остальные ухажёры были не такими. Максим был слишком мягким. Мямлей, так сказать. Он предпочитал во всём соглашаться, чтобы избежать скандалов. Марина считала, что у мужчины должно быть собственное мнение, и с Максимом было неинтересно. Она болтала о всякой ерунде, а он слушал, кивая и улыбаясь. Сейчас Максим женат на однокласснице Марины – Вере Громовой. Она ждёт ребёнка, и Максим носит жену на руках. Вера всегда отличалась жёстким характером, поэтому они с Максимом нашли друг друга. Вера командует, а Максим исполняет приказы, как послушная собака. Максим так и остался мямлей, зато работает заместителем директора в какой-то мелкой конторе, занимаю-

щейся грузоперевозками. Такие фирмы держатся на плаву, но для двадцатитрёхлетнего парня быть правой рукой шефа в одной из них очень даже неплохо. Ещё пару лет, и Максим полностью рассчитается с кредитом. Не жизнь, а сказка. Скучная, но комфортная.

Другого кавалера Марины звали Сергей. Он был ботаником, самым настоящим ботаником, образ которого активно эксплуатируется в примитивных комедиях. Сергей носил очки с круглыми стёклами и много времени уделял науке. Марина находила его занудой. Он постоянно болтал о темпах экономического роста и развитии современной налоговой системы. Теперь Сергей – финансовый директор автомобильного салона, а ему всего двадцать шесть. Кстати, Сергей тоже женат. Его жена работает бухгалтером в том же автомобильном салоне. Она такая же ботаничка, как и Сергей, но им хорошо вместе. Детей они не планируют. Такие, как они, строят карьеру, пока не подкрадётся старость. Такие, как они, не имеют друзей. Таких, как они, недолюбливают окружающие, но начальники и преподаватели ценят, ставя другим в пример.

Марина могла оказаться на месте Веры или на месте жены Сергея (она не знала, как ту зовут). И в том, и в другом случае она не планировала бы покупку новых трусов за два месяца, зато находилась бы рядом с занудой-мужем, не имеющим собственного мнения, или с ботаником, помешанным на работе. Она получала бы пресный секс, делая вид, что ей

это нравится.

Теперь такие перспективы казались более радужными. Виктор не был занудой и ботаником. Он имел собственное мнение, которое, кстати, считалось единственно правильным и не терпело критики. Зато Марина расхлёбывала бунтарские выходки мужа. Правда, секс с Виктором был божественным, когда они им занимались. После рождения Инночки Виктор охладел к жене. Они по-прежнему спали в одной кровати, но даже случайно не касались друг друга. Они засыпали, повернувшись в разные стороны, словно чужие люди, которым пришлось ночевать в одной постели.

9

На следующий день Виктор не пошёл на работу. Марина пыталась разбудить его в семь утра, но у неё ничего не вышло. Виктор рыкнул, чтобы жена не мешала, и проснулся около обеда.

– Что у нас на завтрак? – спросил он, лениво потягиваясь.

Марина молча разогрела макароны. Виктор даже не спросил, почему на её глазах застыли слёзы и почему она не отвечает на его вопросы. Казалось, молчаливая и грустная жена нравилась ему намного больше.

Виктор напал на еду, как голодный волк. Макароны разварились и слиплись, но Виктор уплетал их за обе щёки.

– Ты обманул меня, – сказала Марина, вытирая слёзы ру-

кавом халата, – ты опять обманул меня.

На ней остановился изумлённый взгляд. Ещё немного, и удивление перерастёт в ярость, и разразится скандал, но Марина не хотела больше молчать. Она устала от постоянного вранья.

– Посмотри, какое прекрасное утро. Зачем ты портишь его допросами? – буркнул Виктор, снова сосредоточившись на еде.

Марина всхлипнула. Виктор думал лишь о себе. Он солгал, что нашёл работу, чтобы не слушать лекции дотошной жены, а теперь обвиняет в попытках испортить летнее утро. Нет. Она больше не намерена это терпеть. Она выскажет всё, что накипело за совместную жизнь. Она даже подаст на развод, если потребуется.

– Вчера ты сказал, что нашёл работу, – начала Марина.

– Так и есть, – перебил Виктор, пережёвывая макароны.

– Сегодня вторник. Почему ты не на работе? Когда я пыталась разбудить тебя, ты сказал, что ни на какую работу тебе сегодня не нужно, и велел мне отстать. Почему ты всё время врешь? Ты тряпка, а не мужик. В тебе нет даже сил признаться, что ты – прирождённый тунеядец, привыкший сидеть на чьём-нибудь горбу.

– Замолчи! – Виктор стукнул по столу ладонью. Глухой звук наполнил кухню. В комнате заскулила Инночка. Марина поспешила к ней, но, пока дошла, Инночка заснула самостоятельно.

Марина вернулась на кухню. Виктор пожирал её холодными глазами. В зрачках танцевали бесы. В воздухе пахло скандалом. В висках стучала усталость.

– Если я сказал, что нашёл работу, значит, я нашёл работу!!! – зарычал Виктор.

Марина разрыдалась. Слезы, крупные, словно дождевые капли, стремительно катились по щекам. Максим был мямлей, и это раздражало её. Виктор был далеко не мямлей, и это также ей не нравилось. Его жёсткий характер и её страх неплохо ладят, но разве о такой жизни она мечтала? Разве так она себе представляла отношения после брака?

– Почему же ты не пошёл на работу? – спросила Марина. Её голос звучал чуть слышно. Она задыхалась от слёз.

– Потому что сегодня не моя смена. Я работаю в ночь по средам и субботам, – отрезал Виктор.

Марина выскользнула из кухни. Виктор кипел, словно чайник на большом огне. Она боялась его такого. Виктор не поднимал на жену руки, только замахивался, но Марина не могла точно знать, на что он способен. Она вовремя сматывалась, не желая проверять, в какой момент ярость мужа перерастает в неконтролируемое чувство.

Марина присела рядом с кроватью дочери. Та сладко спала. Марина вытерла слёзы. Она несколько мгновений смотрела на потолок, не моргая. Слезы застыли где-то внутри. Они больше не рвались наружу, но на душе было паршиво. Что-то подсказывало ей, что Виктор врал. Грузчики в ноч-

ную смену не работают, но этого не проверить. Каждую среду и субботу он будет уходить вечером и вернётся лишь утром следующего дня, но на работе ли он будет этими ночами?! Скорей всего придумал сказку для жены, чтобы та не доставала. Он и раньше пропадал ночами с друзьями, после чего получал бонусом к похмелью истерики жены. Теперь Виктор будет заниматься тем же самым, но жена не будет выносить ему мозг, потому что будет думать, что её муж вкалывал всю ночь, как проклятый. Она принесёт ему воды и разрешит отоспаться.

Гениальный план, но где Виктор возьмёт деньги, чтобы приносить в дом зарплату?! На этот вопрос Марина не знала ответа, равно, как и не знала, откуда взялась вчерашняя тысяча. Мелькали догадки, что Виктор одолжил деньги у кого-нибудь из собутыльников, но он не сможет занимать постоянно, да и долги нужно отдавать.

10

Виктор пришёл на работу заранее. Всё содержимое карманов осталось в камере хранения. Виктор не понимал такой секретности, но не перечил. Ровно в девятнадцать часов его проводили в кабинет полиграфолога. Сегодня дежурил другой охранник, но они были с предыдущим один в один, как однояйцевые братья-близнецы. Такое же каменное лицо. Такой же чёрный костюм с иголки. Такой же размеренный

ГОЛОС.

Полиграфологом оказалась молоденькая девушка приятной внешности. Её аппетитные округлости выглядывали из глубокого декольте, а большие голубые глаза были настолько манящими, что Виктор невольно представил, как задирает сотруднице «Старого замка» юбку, обнажая прекрасные бёдра. Под ширинкой зашевелился член. Девушка могла заметить его возбуждение, и Виктор нашёл это забавным.

– Меня зовут Анна Краснова. Я полиграфолог, – представилась она.

Её лицо не выражало никаких эмоций. Она бросила взгляд на вздувшуюся ширинку Виктора, но никакой реакции не последовало. Даже лёгкий румянец смущения, какой выступает на щеках молодых особ, понимающих, чего от них хотят незнакомые мужчины, не покрыл её бледные щёки. Наверное, привыкла к мыслям самцов при её виде.

Виктор устроился поудобнее в кресле, наблюдая, как Анна неторопливо обматывала его пальцы проводами.

Анна присела напротив Виктора. Наманикюренные аккуратные пальцы заплясали по клавиатуре ноутбука.

– Вы готовы? – спросила она. Виктор кивнул. Анна пожелала ему удачи, попросив не волноваться. Виктор отметил про себя, что поводов для волнения нет, ведь скрывать ему нечего, но вслух лишь поблагодарил прекрасную Анечку. На её лице проскользнула улыбка. Анна сообщила, что задаст несколько вопросов, пояснив, что отвечать нужно не разду-

мывая, и короткими фразами.

– Ваше имя и фамилия? – начала она проверку.

– Виктор Первак, – ответил Виктор.

Анна не сводила взгляда с экрана ноутбука.

– Ваш возраст?

– Двадцать два года.

– Вы женаты?

– Да.

– Вы подписали соглашение о неразглашении коммерческой тайны?

– Да.

– Вы рассказывали кому-нибудь, что устроились на новую работу?

– Да.

– Кому?

– Жене.

– Вы сказали ей, что получили должность актёра в «Старом замке»?

– Нет.

– Что же вы сказали ей?

– Я сказал, что буду работать грузчиком в компании «Молочные продукты».

– Она поверила?

– Наверное.

Анна что-то распечатала на принтере, поставила на бумаге подпись и отдала документ Виктору.

– Можете приступать к работе, – сообщила она.

Виктор пробежался глазами по бумаге, которая оказалась положительным заключением полиграфолога. Виктор поблагодарил Анну, насилу сдерживая себя, чтобы не наброситься на молодое и сочное тело прямо сейчас.

11

Охранник проводил Виктора в гримёрную. Там его встретил человек средних лет. Он не представился, да и Виктору было неинтересно его имя.

Гримёр проверил заключение полиграфолога и достал из шкафа светлые льняные брюки и рубашку.

– Надевайте, – приказал он.

Виктор послушался. Брюки оказались чуть-чуть коротковаты, а рубашка больше на размер. Он сообщил об этом гримёру.

– Размер не принципиален, – ответил гримёр, даже не взглянув на Виктора.

– Оставьте одежду на стуле, – добавил гримёр, – и обувь тоже.

Виктор спросил, будут ли ему накладывать грим, но гримёр сухо пояснил, что сегодня грим не требуется. Виктор вышел из гримёрной, и охранник предложил последовать за ним. Они шли гуськом по узкому коридору со слабым освещением. Босые ноги шлёпали по ледяному паркету. От стен

веляло холодом. Внутри ощущалось волнение. Коридор заканчивался железной дверью. Охранник открыл её ключом, показывая жестом следовать вперёд. За дверью была лишь темнота, и Виктор сделал неуверенный шаг. Сердце сжалось от ужаса. Виктор не любил темноту. Охранник последовал за ним.

– Стоять, – скомандовал он.

Послышалось шуршание, а потом в темноте забежал бледный блик фонарика. Пока охранник закрывал дверь, Виктор рассмотрел стены и пол. Они были каменными. Нескончаемый пласт булыжников с человеческую голову, склеенных воедино. В воздухе пахло затхлостью. Такой аромат обычно исходит от сараев, в которых давно никто не бывал.

Охранник пошёл вперёд, освещая путь фонариком. Виктор поплёлся за ним. Пальцы ног онемели от холода. По телу скользили невидимые мурашки. Внутри что-то ворочалось и шипело. Предчувствие чего-то нехорошего. Подсказки интуиции.

Виктор узнал это ощущение, хотя раньше никогда не испытывал и посмеивался над Мариной, уверяющей, что ей кажется, будто произойдёт что-то неприятное. Виктор отгонял плохие мысли, но они накидывались на него снова, словно рой бешеных пчёл. Он всего лишь пришёл на работу, на дворе двадцать первый век, и никто не причинит ему вреда. Здравый смысл прятался на заднем плане. Страх обволакивал его доводы дымчатой пеленой. Виктор сравнил себя

с девчонкой, которая собирается на первое свидание, и ему стало противно.

Тем временем началась витая лестница вниз. Ступеньки оказались узкими и высокими, и Виктор несколько раз едва не слетел с лестницы.

С каждой ступенькой темнота сгущалась. Издалека доносились какие-то звуки. Виктор прислушался. Стоны. Адские крики. Предсмертные вздохи. Ладонь коснулась горячего лба.

«Я переволновался. У меня жар. У меня галлюцинации», – подумал Виктор.

Стоны сменились тишиной, гробовой и неприступной. Виктор выдохнул, и тут же стены содрогнулись.

– Аааа-ааа-аааааа, – прокатилось эхом сквозь лестницу.

Сердце забило быстрее, будто крик прошмыгнул через его беззащитное тело. Виктор остановился. Голова закружилась. Ступеньки. Стены. Потолок. Всё смешалось воедино.

– Это просто звуковые эффекты, – сказал охранник. Его голос не выражал никаких эмоций. Наверное, он привык к таким крикам. Наверное, Виктор тоже привыкнет, и будет разговаривать так же размеренно.

– Мне плохо, – прошептал Виктор.

– Это не повод останавливаться, – отрезал охранник, обернувшись и посветив фонарём ему в лицо.

От яркого света в глазах защипало, но головокружение прошло. Виктор продолжил путь. Он вспомнил Анечку, и

член снова зашевелился. Приятная волна пролетела по телу. Аппетитная грудь. Круглая задница.

Мысли об Анечке отвлекали. Виктор почувствовал себя лучше, если не считать дискомфорта ниже пояса. Он бы с удовольствием покувыркался с этой красоткой, а потом заставил бы её пройти тест на полиграфе на количество полученных оргазмов.

Лестница закончилась. Охранник повернул налево. Виктор сделал то же самое. Образ Анечки растворился. Реальность была менее возбуждающей.

Под лестницей находилась ещё одна железная дверь. Охранник открыл её, и яркий свет ударил по глазам. Виктор очутился в зале ресторана. Так сказать, на своём рабочем месте. Стены, пол и даже потолок были из камня. Зал делился на две части. Площадь со столами и скамейками, выполненными из дерева, и сцена, на которой не было ровным счётом ничего. Сцена возвышалась над залом не больше чем на полметра, а первые ряды столов находились к ней слишком близко. Несколько столиков были заняты. В первом ряду сидели двое мужчин, страдающих избыточным весом и преждевременным облысением. Во втором ряду расположились две дамы. Они пили вино и что-то обсуждали. Зрители имели бледные и безжизненные лица и хищные глаза, требующие зрелищ.

В зале появился мужчина лет тридцати пяти. Он был одет в бежевый замшевый костюм и коричневые туфли с острыми мысами. Его тёмные, словно воронье крыло, волосы были зачёсаны назад, открывая высокий лоб. Он поздоровался с охранником за руку, бросив любопытный взгляд на Виктора. Хотя этот взгляд можно охарактеризовать, как оценивающий.

– Это новенький? – спросил он.

– Да, Олег Юрьевич. Виктор Первак, – отрапортовал охранник.

Олег Юрьевич уставился на Виктора, словно хотел взглядом прожечь в нём дыру.

– Виктор, у тебя в детстве была какая-нибудь кличка? – спросил Олег Юрьевич.

Кличка? Нет. Клички у Виктора никогда не было. Ни в детстве, ни в подростковом возрасте. Клички давали лошарам и мямлям, и чем обиднее была кличка, тем быстрее она закреплялась за обладателем. Виктор был автором кличек, но обладателем – никогда. Такие, как он, сами придумывали себе прозвища, которые называли «никами», «погонялами» – как угодно, но только не «кличками».

– Клички бывают только у собак, – возразил Виктор.

– Разве?! Неужели твои друзья называли тебя исключи-

тельно по имени? – спросил Олег Юрьевич.

Конечно, нет. Но «ник» Виктора не имел ничего общего с «кличкой». Олег Юрьевич ждал ответа.

– Мои друзья называли меня «Вик», – пояснил Виктор.

– Отличная кличка, – одобрил Олег Юрьевич.

Виктора передёрнуло. У него не было клички, да и во всём городе не нашлось бы человека, осмелившегося придумать кличку для такого крутого парня, как Виктор.

Олег Юрьевич не разбирался в молодёжном слэнге, хотя был старше Виктора всего лет на десять. Старость подбиралась очень быстро. Ещё немного, и Виктор превратится в такого же старика, делающего вид, будто всё знает, хотя на самом деле вызывает только смех.

Виктор сквозь зубы поблагодарил Олега Юрьевича, не решившись перечить.

– Я – администратор «Старого замка» по средам и субботам, – наконец-то представился Олег Юрьевич, – как меня зовут, ты уже знаешь.

Виктор кивнул. Олег Юрьевич оглянулся и крикнул в конец зала:

– Крис, иди сюда!

Гулкое эхо прокатилось по стенам помещения. Люди, сидящие за столами, вздрогнули, а потом снова вернулись к своим делам.

К ним двигался молодой человек с крепким телосложением. Его широкие плечи привлекли внимание женщин, ожи-

давших начала представления. Крис был ровесником Виктора, но по сравнению с ним Виктор казался хлюпиком с обидной кличкой. Крис был одет в ярко-красный атласный костюм с эмблемой на груди. Когда он подошёл поближе, Виктор рассмотрел, что на эмблеме нарисована плеть с острыми концами.

– Познакомься, Вик. Это твой напарник, Крис, – сказал Олег Юрьевич, с уважением разглядывая Криса.

Крис протянул руку. Виктор про себя ухмыльнулся, хотя руку пожал. Ладонь Криса оказалась сухой и тёплой. Крис. Как же его зовут? Кристина? Криста? Женская «кличка», как выражается Олег Юрьевич, для плотного мужчины. Взгляд снова задержался на эмблеме. Виктор не хотел бы получить такой плетью по хребту.

– Я думаю, мы сработаемся, – сказал Крис.

Крис создавал впечатление скользкого парня. Такие люди здороваются за руку, а за спиной говорят о тебе гадости. Виктор сомневался, что подружится с Крисом, но понимал, что сработаться с ним придётся, поэтому кивнул.

Прямоугольное лицо Криса расплылось в мерзкой улыбке, а потом Крис расхохотался. Его хохот практически оглушил Виктора. Тем временем гостей прибавилось, и официанты с ярко-красными галстуками раскладывали меню на столах.

– Вик, тебе тоже не мешает ознакомиться с меню, – сказал Крис.

Его голос прокатился по залу, словно гром после грозы.

Виктор недоумевающе посмотрел на Криса, не осмеливаясь спросить, зачем знакомиться с меню.

– Ознакомься. Ознакомься, если не любишь сюрпризы, – произнёс Крис, после чего расхохотался снова.

13

Крис сделал знак рукой, и официант принёс Виктору меню. Обложка меню была жёсткой и ярко-красной. Виктор открыл первую страницу. Логотип «Старого замка», пожелания приятно провести вечер. Ничего особенного.

На следующей странице гостям предлагались напитки и закуски, причём цены на них были не слишком высокими по сравнению с другими ресторанами.

Заголовок третьей страницы призывал провести время с удовольствием, а ниже располагался список эпизодов, участие в которых должен был принимать Виктор. Глаза пробежались по списку. Водные процедуры, подвешивание, насекомые, щекотка, дыба, кнут, испанский сапог, вилка еретика, хищники, колодки, камни, палки, колесо, замораживание.

Названия эпизодов были более чем странными. Кому интересно смотреть на насекомых, даже если это экзотические тараканы?! Если кто-то захочет посмотреть на хищников, то отправится в зоопарк, а не в ресторан. Камни, палки, колёса – вообще не укладывались в грани разумного. Что такое дыба и испанский сапог, Виктор не знал.

– Чушь какая-то, – сорвалось с его губ.

Недоумение граничило с другим необъяснимым ощущением. Виктора снова посетила мысль, что он чувствует что-то неладное, и мурашки побежали по телу. «Всё хорошо», – успокаивал он себя, но что-то внутри него волновалось, и это было не утешающим признаком.

– Это меню «Старого замка», – усмехнулся Крис.

Его зрачки вспыхнули, словно сухие ветки. Олег Юрьевич улыбнулся. Виктор отвёл взгляд от их бесцветных лиц. Он абсолютно ничего не понимал, но не осмеливался попросить объяснения у коллег. Странное меню горело в руках. Водные процедуры, подвешивание, насекомые, щекотка...

Строчки расплывались перед глазами. Виктор быстро заморгал, чтобы прийти в чувство. Впереди целая ночь, а он уже разбит, словно старая телега.

– Вик, тебе всё понятно? – послышался голос Олега Юрьевича.

Вопрос администратора звучал заботливо, но от этой заботы отдавало мерзостью.

– Да... То есть нет, – растерялся Виктор.

В горле застрял невидимый ком, и говорить было крайне сложно. Виктор представил себя со стороны. Мямля, выдавливающая из себя каждое слово. Стыд нанёс несколько пощёчин, и на щеках заиграли языки пламени.

– Что тебе непонятно? – спросил Олег Юрьевич.

Противный смешок Криса приглушил голос администра-

тора. Виктору захотелось уйти. В ту же минуту. Развернуться и уйти. Навсегда и не оглядываясь. Хотя нет. Виктору хотелось проснуться. В холодном поту. С учащённым сердцебиением. С непониманием реальности. Но главное – в своей постели. Рядом с Мариной.

– В каких эпизодах я буду принимать участие? – спросил Виктор.

Он выпалил слова подряд на одном дыхании. Они прокатились эхом по каменным стенам. Как же жалко они звучали! Как же Виктор ненавидел себя! Он никогда не был рохлей, робеющей перед кем-либо. Что же случилось сейчас?! Почему он стелется перед Олегом Юрьевичем, который в школе явно был изгоем, заклеимённым обидным прозвищем, и над которым такие, как Виктор, потешались, как могли.

– Вик, ты будешь принимать участие в любом эпизоде, который пожелают увидеть зрители, – ответил Олег Юрьевич.

Его голос, сладкий и спокойный, усыплял. Виктор зевнул, но тут же снова быстро заморгал.

– Я... Я... Я не репетировал, – развёл руками Виктор, не понимая, что несёт.

– Не волнуйся. От тебя требуется только присутствие, поэтому всё получится.

Крис снова расхохотался. Этот парень определённо не нравился Виктору.

– Кстати, сегодня «День колодок». Крис, подготовь сцену к первому действию. Мы начинаем, – добавил Олег Юрье-

вич.

Лицо Криса сразу превратилось в безэмоциональный кирпич с хищными глазами. Крис удалился, ловя на себе любопытные взгляды посетителей. Босые ноги Виктора буквально примёрзли к полу.

– Всё будет хорошо, – Олег Юрьевич похлопал Виктора по плечу.

Но Виктор так не считал. Что-то внутри сжималось и разжималось, сковывая дыхание, а после прикосновения администратора по телу побежала дрожь. Капли пота выступили на лбу. Тем временем появился Крис. Он нёс несколько досок.

14

Крис установил две доски друг напротив друга. Ещё одну доску вставил между ними. Теперь на сцене стояла уродливая буква «Н». Виктор заметил на перекладине округлое отверстие посередине сверху. Крис поднял оставшуюся доску с холодного пола. На ней тоже был округлый вырез посередине, и две выемки поменьше по бокам.

«Могли бы найти доски без дефектов», – мелькнуло в голове Виктора, но эта мысль сразу испарилась. Буква «Н» неспроста на сцене. Ещё одна доска неспроста в руках Криса.

Зрители отвлеклись от разговоров, сосредоточив внимание на букве «Н». Какая роль в данном действе отведена

Виктору?!

– Я готов, – сообщил Крис, и ехидная ухмылка растянулась на его лице.

– Иди на сцену, – скомандовал Олег Юрьевич.

– Я требую объяснений! Что происходит? – завопил Виктор.

Зрители оглянулись. С уст некоторых сорвались злорадные смешки. Внутри заняло нехорошее предчувствие. Виктор уже не стеснялся собственной слабости и беспомощности. Возможно, когда выяснится, что страх был напрасным, он пожалеет о том, что вёл себя, как неопытная девчонка наедине с мужчиной, но сейчас... Сейчас он должен убедиться, что его жизни ничего не угрожает.

– Сегодня среда, а значит, ты с помощью Криса развлекаешь гостей, – пояснил Олег Юрьевич.

Спокойные нотки голоса администратора лишь усилили волнение.

– Объясни... Объясните м-м-не, ка-ка-ко-ва моя роль в этом спек-та-та-кле, – потребовал Виктор.

Его голос дрожал. Виктор чувствовал себя загнанным диким зверем, на которого смотрят ружья охотников. Последнее мгновение жизни длится вечно, но ты готов зацепиться за него и тянуть... Тянуть, как жвачку, пока белая плоть не лопнет и не раздастся выстрел.

– Проходи на сцену. На долгие объяснения нет времени. Крис играет палача, а ты – узника. Не волнуйся. Никого вре-

да твоему здоровью не будет причинено.

Голос Олега Юрьевича стал жёстче. Любой бунт подчинённых не одобряется. Виктор повиновался. Ему хотелось броситься прочь к двери, из которой он вышел несколько минут назад. Если потребуется, вырубить охранника, и бежать вверх по холодной лестнице, пока здание «Старого замка» не окажется сзади.

Но Виктор пошёл вперёд, виновато опустив голову. Внимание зрителей теперь приковано к нему. Он чувствовал на спине десятки взглядов, жаждущих зрелищ. Он беззвучно умолял их уйти из зала. В этом случае ему не придётся играть роль узника.

Виктор поднялся на сцену. Буква «Н» была совсем рядом и казалась ещё более уродливой. Крис подмигнул Виктору, и в животе заурчало – то ли от страха, то ли от голода.

«Крис играет роль палача, а ты – узника...», – до Виктора начал доходить смысл слов Олега Юрьевича. Крис будет издеваться над Виктором, а зрители заплатят бешеные деньги, чтобы посмотреть на чужие мучения. Никто не встанет на защиту узника. Все будут требовать новых наказаний. Для всех присутствующих он – тряпичная кукла, с которой можно делать всё, что угодно, а поутру кинуть ему гонорар, сумма которого никогда не покроет физического и морального ущерба.

«Никакого вреда твоему здоровью не будет причинено», – эти слова почему-то не успокаивали. Виктор был уверен, что

ему будет больно и неприятно. Школьные времена закончились, и теперь он – лошара, у которого есть кличка, и который покорно принимает оскорбления и подзатыльники от элиты.

– На колени, – приказал Крис.

Виктор подчинился. Он успокаивал себя, что всё будет хорошо, но страх не отступал. Толща слёз застлала глаза. Вот он стоит на коленях перед незнакомыми людьми, слово которых способно раздавить его, как навозного жука. Такого унижения Виктор никогда не испытывал.

– Стань на колени перед колодками! – рявкнул Крис, и зал взорвался хохотом.

Ноги Виктора окончательно онемели, и он не нашёл сил принять вертикальное положение. Виктор на четвереньках подполз к букве «Н». Зрители были в восторге.

Крис подтолкнул Виктора к колодкам. Теперь шея Виктора лежала в округлом вырезе перекладки, а руки беспомощно висели на ней. Крис завершил конструкцию последней доской, самой уродливой и самой бракованной.

Теперь Виктор не мог пошевелиться. Локти и шея надёжно зафиксированы в отверстиях, вырезанных в досках. Зрители ржали, как лошади, но Виктор мог видеть только каменный пол. Он несколько раз попытался поднять голову, но доски держали шею слишком крепко. Теперь Виктор был частью буквы «Н», хотя сомневался, что сооружённая Крисом конструкция имеет какое-то сходство с буквой «Н».

Реконструкция колодок... Какие ещё сюрпризы ожидают

парня, желавшего получить высокооплачиваемую работу?! Виктор боялся об этом думать. Мочевой пузырь скрутило.

– Крис, Крис... – застонал Виктор.

– Что случилось?

– Я хочу в туалет, – прошептал Виктор.

Зал снова взорвался. Слезы вырвались из глаз. Виктор надеялся, что никто не заметит двух мокрых полос на щеках. Мочевой пузырь пульсировал, грозясь разорваться.

– В колодках нет специального приспособления для туалета, поэтому придётся справлять нужду в штаны, – ответил Крис, когда зрители стихли.

Он сказал это нарочно громко, и зал опять расхохотался. Виктору хотелось верить, что Крис шутит, но интуиция подсказывала, что ответ более чем серьёзен. Виктору придётся не только стоять на коленях, но и мочиться под себя, слушая насмешки мажоров, чьи толстые задницы свисают с деревянных лавок. Как назло, физиологическому желанию было плевать на окружающих и их мнение. Организм требовал облегчения, и Виктор не мог ему противостоять. Тёплая жидкость потекла по ляжкам, вероятно, оставляя за собой мокрые следы, которые не могут остаться незамеченными.

– Итак, наш узник справил естественную нужду, – объявил Крис.

Хохот оглушил Виктора. Крис был не прав. Они не работают.

Виктор не знал, сколько прошло времени после заключения в колодки. Конечности затекли. Голова закружилась. Казалось, ещё немного, и он выплюнет вместе с блевотиной собственные внутренности. Из зала слышался хохот. Виктор пытался понять, что сильнее веселит зрителей: его беспомощность или выпитое спиртное, но боялся найти правильный ответ.

Звери... Звери в людском облики. Именно дикие животные окружали его. Одни звери наслаждались мучениями человека, а другие – зарабатывали на этом. Кем же был Виктор? Наверное, тоже зверем, только не кровожадным, а загнанным и забитым, терпеливо выносящим издевательства в надежде, что современные инквизиторы сжалятся над ним.

Новый тошнотворный комок подкатил к горлу. Виктор задержал дыхание, а потом сглотнул. Тошнота отступила. Виктор знал, что это ненадолго. Жутко хотелось пить. Никогда утро не было таким недостижимым.

Люди – самые жестокие существа, но человек замечает эту истину, когда жестокость ему подобных касается его самого. Если человек причиняет боль другому, собственная жестокость его не заботит. Единственное, чего хочется, так это унижить слабого как можно сильнее, раздавить его в прямом и переносном смысле. Кто-кто, а Виктор хорошо знал пра-

вило жестокости.

Перед глазами всплыло лицо Александра Дворника. Лицо типичной рохли с растерянными глазами, выглядывающими из-за круглых стёкол очков. Дворнику не повезло. Он учился в одном классе с Виктором. Благодаря своей фамилии он стал изгоем. Его дразнили «грёбаным уборщиком» и «очкариком», заставляли делать унизительные вещи. Виктор гнобил Дворника больше всех. Однажды он заставил Александра собирать собачье дерьмо на школьном дворе голыми руками.

– Это твоя работа, Дворник, – хохотал он, тыча одноклассника лицом в говно, как нашкодившего котёнка.

Остальные одноклассники стояли рядом, и никто не встал на защиту Саши. Мальчики ржали как лошади, девочки хихикали. Конечно, у некоторых мелькали мысли о мерзости поведения Виктора, но никто не остановил его, а если бы остановил, то стал бы на колени рядом с Дворником.

Александр закатал рукава до локтя, а Виктор отпустил очередную шуточку из разряда: грязный уборщик боится испачкаться. Дети взорвались хохотом. На лбу Дворника выступили капли пота. Его очки запотели. Щёки покраснелись. Виктор дал ему пинка, и Саша упал на колени, чудом не задев злополучную кучу. Он умолял Виктора не заставлять его убирать собачью мину. Он просил разрешить ему делать это хотя бы в перчатках, но Виктор был непреклонен. Он вытряс содержимое портфеля Александра на газон. На-

ряду с учебниками и тетрадами на траве валялся целлофановый пакет с бутербродом. Виктор пнул его ногой, и свёрток оказался возле кучи.

– Соберёшь говно в этот пакет, а потом вынесешь на помойку.

Дворник хотел возразить, но осёкся. Он понимал, что лучше остаться без обеда, чем сожрать бутерброд с собачьим дерьмом.

Когда работа закончилась, на Александре не было лица. Лишь бледное пятно с запотевшими очками. Волосы блестели от пота. Перепачканные руки дрожали.

– Вытри руки, – скомандовал Виктор.

Саша коснулся ладонями травы, но Виктор зарычал, чтобы грёбаный уборщик не портил говном газоны. Голос Виктора заглушал детский смех, но разобрать, что он говорит, было несложно.

– Обо что же мне их вытереть? – робко спросил Дворник, наверняка возмущаясь про себя, с каких пор собачье дерьмо стало его собственным.

– О свой пиджак, – ответил Виктор, не раздумывая.

Дворник подчинился. Его беспомощность не вызывала жалости. Его беспомощность вызывала только приступ дикого смеха. Безнаказанность затягивала, как курение.

Весь оставшийся день от Дворника воняло, хотя он втихую умудрился застирать испачканный пиджак в школьном туалете. Все шарахались от Александра, затыкая носы, и ни-

кто не думал о его ощущениях. Наверное, он готов был провалиться сквозь землю. Наверное, ему было намного хуже, чем Виктору сейчас, закованному в колодках. Но всем было плевать.

Виктор мог надеяться только на наступление спасительного утра. Рассчитывать на пощадку зрителей было неоправданной глупостью. Они жаждали зрелищ так же, как когда-то жаждал зрелищ он. Но он был ребёнком, заставляющим одноклассника собирать руками говно в пакет с бутербродом, а зрители – взрослыми и состоятельными людьми, которых забавляют человеческие унижения в несколько других проявлениях. Избалованные мажоры платили за каждую минуту издевательств, а Дворник получал пинки под зад абсолютно бесплатно, не давая согласия на работу актёром в отличие от Виктора.

– Завтра же уволюсь, – прошептал Виктор, облизывая пересохшие губы.

16

– Пришло время голосования, – объявил Крис.

Раздались аплодисменты. Присутствующие знали, что значит голосование, а Виктор нет, зато был уверен, что то, что радует зрителей, не может понравиться ему. Он не понимал, что подразумевается под голосованием, но уже ненавидел его.

Олег Юрьевич раздал каждому зрителю бюллетень и карандаш.

– В течение двух минут вы должны сделать выбор, – сказал Крис, – в бюллетене содержится список эпизодов, которые вы можете посмотреть в нашем заведении. Следует отметить только один.

– После подсчёта голосов вы увидите три эпизода, набравшие наибольшее количество голосов, – добавил Олег Юрьевич.

Перед глазами Виктора всплыли строки меню. Так вот что значит голосование. Зрители решают, какие издевательства придётся вынести узнику сегодня.

По спине пробежала дрожь. По щекам потекли слёзы. Шелест бумаг доносился откуда-то издалека, но Виктор не сомневался: этот звук совсем близко.

Колодки – не самое страшное орудие пыток, а подтеки мочи на льняных брюках – не самое большое унижение, которое придётся испытать этой ночью.

Виктор пытался вспомнить список эпизодов, но кроме замораживания и испанского сапога на ум ничего не пришло. Руки сводило судорогой. Голова болела, словно затылок сдавливали невидимые тиски.

Виктор должен покончить с этим цирком. Вряд ли деятельность «Старого замка» законна. Точнее, она не может быть законна. Страны отказались от развлечений в виде пыток и казней несколько веков назад, хотя желающие насла-

диться ужасающим зрелищем остались. Не зря сотруди-
ков «Старого замка» заставляли подписывать соглашение о
неразглашении коммерческой тайны. Виктор не знал, что та-
кое испанский сапог и какие сюрпризы ожидают его в этом
сборище с крепкими нервами, но он чётко понимал, какую
коммерческую тайну должен соблюдать. Никто и ни при ка-
ких обстоятельствах не должен узнать о том, что в двадцать
первом веке процветает теневое средневековье.

Теперь плата за молчание казалась ничтожным подаяни-
ем. Такого рода молчание стоило гораздо больше, впрочем,
Виктор не собирался требовать прибавки. Он просто уволит-
ся, а потом забудет о существовании «Старого замка», как
дети забывают о приснившихся кошмарах.

Виктор не будет тряпичной куклой, которую десятки ног
швыряют из угла в угол. Степан Маркович сказал, что, за-
ступив на смену, Виктор не имеет права уйти раньше пяти
утра, да и куда он уйдёт, закованный в колодки, слабый и
беспомощный. Зато в пять утра он обретёт свободу, и тогда
получит расчёт, а потом напишет заявление об увольнении,
и никто не сможет убедить его остаться.

Воспоминания снова возникли перед глазами. Снова
Александр Дворник, тощий и бледный мальчик, робеющий
перед Виктором. Какие только унижения не терпел «грёба-
ный уборщик», ведь, как назло, у Виктора фантазия была
прекрасной. Виктор ни разу не повторил уже осуществлён-
ного издевательства. Виктор ни разу не испытал жалости к

«очкарику». Лошары должны получать по заслугам. Теперь лошарой стал сам Виктор.

Нет! Виктор не хотел проводить параллель между собой и зажавшимися мажорами, собравшимися в «Старом замке». Он был всего лишь ребёнком, несмышлёным подростком, которому никто не объяснил, что нельзя отрывать у мухи крылья, а потом сбрасывать её с балкона под колёса автомобилей. Мажоры, делающие выбор – взрослые люди, отдающие отчёт своим действиям. Виктор не был таким, потому что стоял по другую линию фронта.

– Итак, выбор сделан, – сказал Крис, и зрители зааплодировали.

Виктор знал, что сделанный выбор – самый ужасный, и никто не смог бы его в этом переубедить.

– Чтобы сохранить интригу, начнём с третьего места «Вилка еретика», – продолжил Крис.

С его губ сорвался отвратительный смешок. Из зала доносились аплодисменты. Виктор шмыгнул носом и тихонечко заскулил.

17

Крис удалился. По залу пронёсся волнительный шёпот. Никогда раньше Виктор не чувствовал себя таким незащищённым. Все конечности затекли. Глаза стали влажными. Толпа зажиточных зевак совсем рядом. Их хищные зрачки

пожирали узника, и Виктору казалось, что ещё чуть-чуть, и зрители сорвутся с мест и набросятся на него, словно голодные волки.

Крис вернулся под бурные аплодисменты. Виктор повернул шею настолько, насколько позволяло отверстие. В руке Криса болтался кожаный ремень с железной вилкой с двумя зубцами с обеих сторон. Крис бросил ремень на пол. Тот издал звякающий звук при падении.

Несколько мгновений – и Виктор освобождён от колодок, для того, чтобы познакомиться поближе с другим орудием пытки. Вилка еретика не выглядела опасной, но Виктор знал, что ничего хорошего лучше не ждать.

Виктор встал с колен, и в ноги впились тысячи иголок. Виктор закусил губу, чтобы не показывать страданий бесившимся с жиру зевакам.

– Выпрямись, – донеслось из зала, и до Виктора дошло, что он стоит, согнувшись, по-прежнему рассматривая каменный пол.

Распрямить плечи было сложно. Деревянная спина не слушалась, и каждая попытка движения отдавала тупой болью. Ремень с четырёхзубой вилкой валялся у его босых ног. Ржавчина покрывала её тело, а уродливые концы были темными. «Кровь», – подумал Виктор, и тут же отмёл нежелательный вывод.

Крис поднял ремень с пола, и в воздухе повисла пауза. Виктор понемногу пришёл в себя. Теперь он мог рассмот-

реть восторженные лица зрителей. Их взгляды были прикованы к сцене, словно боялись пропустить что-то очень важное.

Мгновение – и ремень обвил шею Виктора, превратившись в плотный ошейник. Капли пота выступили на лбу. Ошейник будет стягиваться, пока не задушит узника, – решил Виктор. Он был раздавлен, унижен, но всё ещё любил жизнь.

– Пожалуйста, не убивайте меня, – тихо произнёс он.

Зеваки расхохотались. Взрослый мужчина умолял о пощаде, а зрители находили это забавным. Впрочем, глупо ожидать чего-то другого.

– Никто тебя не убьёт, – уверил Крис.

Виктору захотелось наброситься на палача. Одним ударом кулака уложить его на каменный пол, а затем быстрым движением загнать вилку с уродливыми зубами в задний проход мучителя, но Виктор сдержался. Крис был крупным мужчиной, и Виктор сомневался, что способен справиться с ним даже при хорошем самочувствии. Сейчас, когда Виктор измотан, как воздушный шарик, потрепанный сильным ветром, рассчитывать на успех было большим заблуждением.

От ухмылки Криса веяло ужасом. Виктор знал этого человека меньше суток, но уже ненавидел. Даже лошары типа Дворника не вызывали такой ненависти.

Крис коснулся вилки, и она приобрела вертикальное положение. Острые зубы вонзились в подбородок и ямочку под

шей. Теперь голова Виктора приподнялась вверх. Он попытался пошевелиться, но вилка фиксировала шею не хуже округлого отверстия в колодках. Тяжёлый вздох вырвался из груди, но даже он причинил боль.

– Сука! – воскликнул Виктор, но с губ сорвался лишь тихий звук.

– Терпи! – ответил Крис.

– Сколько нужно терпеть? – спросил Виктор.

Его слабый писк смешил публику, и испытание делалось невыносимым. Виктору хотелось заглянуть в наглые рожи зрителей, но мог видеть лишь серый потолок.

– Час, – сказал Крис.

Целый час! Целый час Виктор не сможет пошевелиться, чтобы не вогнать зубы злосчастной вилки до самого основания в плоть. Хотя он не мог знать, насколько они вошли в тело. Целый час Виктор не сможет даже выразить возмущение, хотя его мнение никого из присутствующих не волновало.

– Теперь каждый может задать узнику любой вопрос, – объявил Олег Юрьевич.

Ещё одна гнида, заботящаяся только о деньгах. Виктору сложно говорить, и все знают об этом. Зачем же заставлять его издавать стоны вместо членораздельных ответов!

– Изверги, – прошипел Виктор, и до ушей снова донёсся мерзкий смех.

Первый вопрос задала пухлая женщина с искусственной грудью. Узкие пороссячьи глаза пожирали Виктора. Она пришла в «Старый замок» с подругой такой же комплекции. В этот вечер толстыми тётками правило красное вино, и обеспеченные дамы явно решили оторваться по полной.

– Что ты чувствуешь? – глупее вопроса Виктор не мог представить.

Что может чувствовать человек, который обоссался на глазах незнакомых людей?! Что может чувствовать человек, который стоял на коленях перед богатыми свиньями, закованный в колодки?! Что может чувствовать человек, который боится пошевелиться, чтобы уродливые зубы вилки не причинили новую боль?! Страх?! Ненависть?! Отвращение?! Стыд?! Адскую боль?! Страдания?!

– Вик, отвечай, – скомандовал Крис.

Да. Он ответит, но зрители услышат только жалкий шёпот, который рассмешит их. Он ответит, но публике плевать на то, каким будет ответ. Публике важно насладиться жалким шёпотом, служащим доказательством никчёмности и беспомощности узника. Публике важно самоутвердиться, унизив другого. Самый простой способ увеличить собственное «я». Виктор часто так делал. Самоутверждался, чморя лошар. В ответ они лопотали что-то несвязное, а Виктора это забавля-

ло. Кто бы мог предположить, что однажды лошары и Виктор поменяются местами?!

– Вик, отвечай! Гости ждут, – повторил Крис.

Теперь в его голосе слышалось негодование. Виктор решил хранить молчание. Они могут издеваться над ним, но он имеет право не отвечать на дурацкие вопросы.

Крис выдал Виктору подзатыльник. Подзатыльник был не сильным, и голова Виктора лишь немного подалась вперёд, но Виктор тут же поспешил принять исходное положение. Зубы злосчастной вилки от толчка врезались в плоть с ужасной силой. Боль! Адскую боль и ненависть! Вот, что он чувствовал сейчас. Теперь Виктор не сомневался. Темные пятна на зубах вилки были кровью.

– Я чувствую боль и ненависть, – просипел Виктор.

Ответ дался ему с трудом, но зрители оценили его. Послышались аплодисменты. Кто-то расхохотался.

– Тупые твари, – буркнул Виктор.

В воздухе повисла пауза. Слова, произносимые Виктором, были едва слышны, но зрители всё поняли. Их бесцветные рты приоткрылись, а потом расплылись в мерзкой улыбке. Зрителям плевать, что о них думают лошары, так же, как Виктору в своё время было плевать на мнение Дворника и тому подобных ботаников. Время... Как же быстро оно летит, когда хочется задержаться в мгновении подольше. Как же медленно оно тянется, когда хочется закончить неприятное дело.

– Сколько времени? – спросил Виктор.

Он жаждал вырваться из холодного подвала и больше никогда не возвращаться сюда. Колодки! Вилка еретика! Прочие унижительные приспособления! Они могли веселить только тех, кто не ощутил на себе их жуткое действие.

– Узник не имеет права задавать вопросы, – отрезал Крис.

Его брови нахмурились. Как сильно ты был бы доволен, если бы эта вилка находилась у тебя заднем проходе?! – подумал Виктор. Он не узнает, который час, а это значит, что не сможет считать минуты до пяти утра... Единственное занятие, которое было полезным в стенах жуткого заведения.

– Почему ты ненавидишь нас? – раздался женский голос.

В отличие от предыдущего оратора хозяйка голоса отличалась молодостью и красотой. При других обстоятельствах её глубокий вырез вызвал бы волну возбуждения, но сейчас она была такой же тварью, как и остальные зрители. Сейчас она заслуживала плевка в наглуую рожу, а не затвердевшего члена.

– Потому что вы – мерзкие ублюдки, которые бесятся с жиру, – ответил Виктор, не раздумывая.

Он говорил медленно и тихо, выдавливая каждое слово. Зубы вилки напоминали о себе, вдавливаясь всё глубже и глубже в кожу. Виктор размышлял, способны ли они проткнуть кость, но боялся прийти к пугающему выводу.

– Почему ты не считаешь себя мерзким ублюдком?! Ведь унижения за деньги терпишь ты, а не мы, – последовал ожи-

даемый вопрос.

– Потому что я не знал, на что подписался, – ответил Виктор.

Зал взорвался хохотом.

«Быть может, они курят траву перед началом представления?!» – подумал Виктор, но вслух пожелал зрителям лопнуть от смеха.

19

– Расскажи о своих родителях, – раздался мужской голос. Хозяин голоса был упитанным мужчиной средних лет. Золотые запонки, дорогие часы. Мужчина явно не страдал от недостатка средств.

«Зачем ему знать о моих родителях?», – подумал Виктор, но вслух произнёс следующее:

– Мои родители учились на одном потоке, в институте с экономическим уклоном. Думаю, название института не имеет значения. В те времена папа был двадцатилетним безмозглым придурком, у которого на уме только пьянки и девушки, впрочем, с возрастом приоритеты меняются не у многих. В институт его пристроил отец (мой дедушка), и все сессии папа сдавал за деньги.

Виктор перевёл дух. Публика с интересом слушала рассказ Виктора, и это означало лишь одно: историю родителей нужно закончить. Виктор облизнул пересохшие губы и про-

должил:

– Мама, напротив, была отличницей и активисткой. Она готовилась к каждому экзамену с особой тщательностью. Не употребляла спиртное. Не курила. Редко встречалась с друзьями и подругами, да и близких приятелей у неё не было. Приходила домой не позже девяти вечера. В общем, была полной противоположностью отца. Такие, как он, не обращают внимания на таких, как она, но они поженились.

В воздухе повисла пауза.

– Как же они поняли, что любят друг друга? – спросил кто-то.

– Мне кажется, они до сих пор не разобрались в своих чувствах. Мама говорит, что отец испортил ей жизнь. Папа твердит то же самое. Однако они не спешат подавать на развод и выглядят счастливой семейной парой. Жёны друзей отца завидуют маме, потому что такова женская натура. Бабы всегда смотрят только на внешнюю красивую оболочку, игнорируя то, что находится внутри. Папа превратился в успешного маркетолога. Мама стала финансовым аналитиком, как и мечтала. А я... Я работаю менеджером по продажам автомобильных запчастей. Они так думают уже около года, и я не найду в себе сил признаться в том, что обманул их.

– Почему же они поженились?

– Потому что мама забеременела. Классическая причина поспешной свадьбы.

Виктор замолчал. Боль становилась настолько сильной,

что невозможно терпеть. Зрители молчали. Они ждали подробностей истории, и Виктор продолжил, чтобы не получить новый подзатыльник:

– Папа и мама сходили на несколько свиданий, а потом выяснилось, что мама ждёт ребёнка. Ни мама, ни папа не хотели его появления, но консервативные родители приняли решение за них. Так появился я.

Зрители зааплодировали. Виктор заметил, что во время его рассказа никто не засмеялся. Даже бесящиеся с жиру твари понимали, что над родителями нельзя ржать, словно укуренные.

Впрочем, это их не оправдывало. Виктор ненавидел своих учителей. Виктор ненавидел себя. Именно лень и жажда лёгких денег привели его сюда. Наступит утро, и он уйдёт. Уйдёт навсегда. Он устроится грузчиком. Он будет таскать тяжёлые коробки, пить водку с другими работягами, но не вернётся сюда.

– Сколько мне ещё терпеть эту проклятую вилку?! – спросил Виктор, и в его голос звучал как мольба.

Крис посмотрел на часы:

– Совсем немного, – ухмыльнулся палач.

Виктору казалось, что прошло не меньше двух часов, хотя на самом деле прошло менее часа. Несколько ничтожных

минут, тянувших на вечность. Виктор не мог знать точного времени, но вилка еретика продолжала буравить тело уродливыми зубцами, а это значило, что испытание не закончено.

Крис предложил зрителям задать следующий вопрос.

– Пусть Вик расскажет про свой первый сексуальный опыт, – откликнулся кто-то.

Дамы захихикали, будто школьницы, которым на уроке половой грамотности объясняют, что такое прокладки.

– Я не буду рассказывать про это, – просипел Виктор.

– Будешь, или получишь оплеуху, – поставил ультиматум Крис.

Виктор вздохнул, и боль отозвалась эхом. Оплеуха крайне нежелательна, как и любое движение.

– Мой первый сексуальный опыт был с женой. В первую брачную ночь, – сказал Виктор.

Ладонь Криса коснулась щеки Виктора. Раздался хлопок. Голова Виктора склонилась на бок. Щека загорелась. Вилка, как и ожидалось, причинила невыносимую боль. Виктор поспешил принять исходное положение. Боль не утихала. Из глаз покатались слёзы. До сегодняшнего дня Виктор плакал последний раз в возрасте семи лет. Тогда отец увидел, как его малолетний сын курит в овраге, и выпорол Виктора. Виктор поклялся больше никогда не курить, но клятва не продержалась больше десяти лет.

– Я же рассказал, – прошептал он.

– Ты соврал! – рявкнул Крис. – А публику интересуе

правда. Со всеми подробностями. Отрабатывай свои деньги, чёрт возьми!

Крис был рассержен, и Виктор не хотел получить ещё одну пилюлю. Это унижительно и больно.

– Мне было около четырнадцати лет. Я уже пробовал пиво и курил дешёвые сигареты, чтобы казаться взрослым хотя бы самому себе. В школу постоянно приходили люди из общества охраны здоровья. Они распылялись о том, что подростки являются детьми, а поэтому не имеют права употреблять продукцию для взрослых. Спиртное и сигареты подрывают здоровье, поэтому только взрослый может сделать осознанный выбор в пользу или против данных изделий. Недоступность привлекала ещё больше, и я, как и многие мои одноклассники, сделали свой обдуманый выбор. Позже мы поняли, что осознанный выбор сделан за нас. ореол недоступности – маркетинговый ход производителей алкогольной и табачной продукции. А общества борьбы с курением и алкоголизмом спонсируют эти самые производители. Неудивительно, что после их лекций подростки подсаживаются на алкоголь и табак, а когда понимают, что сглупили, не могут остановиться.

– Ближе к делу, – перебил Крис.

Виктор перевёл дух. Боль утихала, и это не могло не радовать. Виктор продолжил:

– Как я и сказал, мне было около четырнадцати. У меня было много друзей, с которыми я пил пиво после школы,

куруил за углом на переменах. Каждый вечер мы собирались в подвале, который называли «Сходное место». У нас была договорённость не рассказывать взрослым и девчонкам о «Сходном месте». Взрослые запретили бы нам там собираться, а девчонки растрепали бы всем вокруг. Однако Кирилл Малышев своё обещание не сдержал. Однажды он появился в «Сходном месте» с Ирой Гавриловой. Гаврилова училась в параллельном классе. Она была редкой занудой, каких поискать. Гаврилова училась на пятёрки и четвёрки, но никому не давала списывать, поэтому её никто не любил. Впрочем, хорошистов любят только учителя независимо от того, дают они списывать оболтусам или нет.

– Зачем ты её притащил? – возмутился я.

Пока я был один в «Сходном месте», но надеялся, что скоро подтянутся остальные.

Гаврилова вывернула из пакета две полторашки пива, и Кирилл заявил, что Ира решила угостить нас пойлом. На Гаврилову это было непохоже, но я перечить не стал. У подростков всегда проблема с деньгами, а халявное пиво шло на пользу. Мы выпили всё. Гаврилова ограничилась несколькими глотками, поэтому пивной запас уничтожали мы с Кириллом. Остальные так и не пришли. По иронии судьбы у всех возникли неотложные дела, придуманные родителями, и маменькины сынки не смогли отказаться. Гаврилова гнала туфту о том, что не готова к завтрашнему уроку, и впервые получит двойку. Я молчал, будучи уверенным, что Гаврило-

ва врёт, потому что такие, как она, не могут быть неготовыми. Они всегда всё знают, и учителя всегда ими довольны.

Кирилл отвёл меня в сторону.

– Я не просто так привёл её, – сказал Кирилл, оглядываясь на Гаврилову. В полутьме она не казалась занудой, и даже её серое платье выглядело соблазнительным.

– Для чего ты её привёл? – спросил я, не понимая, к чему он клонит.

– Я хочу... Это... Хочу... Ну, ты понимаешь, – прошептал Кирилл. Я не понимал, о чём он говорит, а Кириллу слова давались с трудом. Он тоже не имел сексуального опыта, а поэтому стеснялся называть вещи своими именами.

– Чего ты хочешь? – спросил я.

Кирилл зашикал, чтобы я выражался тише. Ира могла услышать наш разговор, и тогда у нас точно бы ничего не вышло. Тем временем Гаврилова наблюдала за нами. Её глаза следили, будто стараясь прочесть по губам. Её жидкие косички лежали на плечах.

– Я хочу сделать с ней... это, – признался Кирилл.

– Ты хочешь с ней переспать? – переспросил я, и Кирилл снова зашипел.

Гаврилова захихикала. Она всё услышала, и злобный взгляд Кирилла привёл меня в ужас. Он бы накинулся на меня с кулаками, если бы Гаврилова не промурлыкала, что тоже хочет сделать это. Причём с нами обоими. Несколько глотков пива разморили её. Её язык заплетался, а зрачки свети-

лись, словно ночные фонарики.

Кирилл обрадовался. Никогда раньше я не видел его таким счастливым. Я знал, что никаких нежных чувств к Гавриловой Кирилл не испытывал, и ему было плевать, кто раздвинет перед ним ноги. Но Ира приняла радость Кирилла на свой счёт. Она неуклюже стянула платье. Надо сказать, что фигура у Гавриловой была, что надо. Я отметил про себя, что если бы она носила не такие мешковатые вещи, то могла бы иметь кучу поклонников. Мужчины в первую очередь ведутся на внешнюю оболочку, а уж потом смотрят на внутренний мир, в существование которого верят только женщины.

Кирилл коснулся чашечки чёрного лифчика, и тут же его рука одёрнулась, словно её обожгло. Гаврилова рассмеялась, и в ушах зазвенело. В подвальной тишине её смех казался особенно противным.

Зануда Гаврилова станет моей первой женщиной. От этой мысли меня самого пробрало на дикий ржач. Я хохотал, пока в животе не закололо.

– Давай ты будешь первым, – сказал Кирилл. Он решил, что его неопытность так рассмешила меня. Впрочем, Гаврилова тоже так подумала, потому что теперь стояла перед нами полностью голая. Бельё присоединилось к платью. Её одежда бесформенной кучей валялась на пыльном полу.

Я решил рассмотреть женское тело, ведь раньше никогда не видел девушку голой. Фотографии обнажённых женщин в журналах – совсем не то. У них были огромные сиськи, ко-

торые они с трудом удерживали в руках. Промежность у них была абсолютно лысой и заманчиво блестела. Тело Гавриловой было совсем иным. Маленькие соски торчали в разные стороны на небольших округлостях. Если бы не лифчик, то Гаврилова казалась бы совсем плоской, хотя без него именно такой и казалась. Промежность её была в длинных и черных волосах, которые уродливо завивались. Но, несмотря на существенную разницу между теоретическим и реальным образом женщины, член стоял колом. Такое бывало со мной частенько по утрам.

– Пусть ложится, – скомандовал я.

Гаврилова послушалась. Теперь её молодое тело лежало на диване, который мы с друзьями притащили с помойки. Обивка дивана напоминала рыболовную сетку. Пружины вылетели из него, но мы не жаловались.

– Может, всё-таки ты будешь первым, – предложил я Кириллу.

Нет. Я не боялся. Почему-то я был уверен, что заниматься сексом несложно, и у меня всё получится. К своим почти четырнадцати годам я был достаточно образован в сексуальном плане благодаря просторам интернета, на которых в открытом доступе лежало обилие порнухи.

Я предложил Кириллу быть первым, потому что идея трахнуть Гаврилову на «Сходном месте» пришла в голову именно ему, и было бы нечестно лезть вперёд. Это всё равно, что сделать первым глоток пива из единственной бутылки,

которую принёс друг.

Но Кирилл отказался. На его лбу выступили капли пота, как будто бы секс уже состоялся. От него исходил страх.

Я молча снял штаны и трусы, а потом опустился на диван. Гаврилова раздвинула ноги, и передо мной открылся вертикальный разрез, обрамлённый жёсткими волосами. Я стоял перед ним на коленях. Я провёл по нему пальцами. Он был влажным и липким.

Впрочем, никаких прелюдий мне не хотелось. Я вошёл в неё, обнаружив, что Гаврилова уже не девственница. Кончил я практически сразу, но Гаврилова осталась довольна.

Следующим был Кирилл. Он возился гораздо дольше. Я курил, наблюдая за ними и думая, что у зануд и тихонь есть маленькие тайны.

21

Виктор замолчал. Дышать становилось всё сложнее. Час уже должен был пройти. Просто обязан. Ещё несколько минут, и Виктор задохнётся от боли.

– Рассказ окончен? – спросил Крис.

Виктор хотел кивнуть, но вовремя опомнился. От кивка вилка располосовала бы всю шею.

– Да, – пробормотал он.

– Тупая история, – заметил Крис, и зрители поддержали его аплодисментами.

Виктор ничего не сказал в ответ. Подростки часто ведут себя глупо, но если дело касается секса, их глупость одинакова. Девушки лишаются девственности из-за любви, а парни – чтобы самоутвердиться. Виктор вспомнил, с какой гордостью он говорил друзьям, что у него уже было это, и улыбка растянулась на его лице.

История не была тупой. Она была пошлой, грязной, но не тупой. Чего ожидали эти напыщенные мажоры?! Рассказа о шёлковых простынях и девушке, которую добивался весь город, но она ответила взаимностью лишь Виктору? Что же случилось с остальными?! Они разбогатели, и заключили обидчика в колодки, а потом зафиксировали шею уродливой вилкой с четырьмя зубами. Такой истории ждала публика?!

Но именно такая история была бы тупой. Только в кино у главных героев красивые истории, а реальность всегда пахнет сыростью и гнилью. Точно так же, как пахло «Сходное место», благодаря которому Виктор стал мужчиной.

– Первый эпизод закончен, – объявил Олег Юрьевич.

Виктора переполняла радость. Наконец-то он избавится от вилки. Наконец-то сможет нормально дышать. Впрочем, впереди его ждали ещё два эпизода, и одному богу известно, что «Старый замок» приготовил для него.

Крис вытащил вилку, но боль не прошла. Теперь Виктор мог кивать и ворочать головой, зная, что плоть не будет разорвана больше, чем уже разорвана. Пальцы провели по местам, в которые упирались зубы вилки. На подушечках оста-

лась кровь. Виктор вытер её о штаны.

– У зрителей есть вопросы, – сказал Крис.

Олег Юрьевич сделал знак рукой, и какая-то женщина спросила, что стало с Ирой Гавриловой.

– Отвечай, – скомандовал Крис.

– Ира Гаврилова больше не приходила на «Сходное место». Она сделалась посмешищем. Дело в том, что подростки не умеют держать язык за зубами. Я и Кирилл за один вечер превратились в самых крутых парней района, потому что у нас было «это». Конечно, на следующий день все знали, что Гаврилова угостила нас выпивкой, а потом с удовольствием раздвинула перед нами ноги. Девчонки перестали с ней водиться. Они показывали на неё пальцем и обзывали шалавой. Мальчишки преследовали Гаврилову, надеясь, что им повезёт так же, как мне и Кириллу, но подавленная прессингом Гаврилова отвечала им отказом. Слухи о том, что Гаврилова уже не девочка, дошли до её родителей. Они выпороли нерадивую дочь, может, даже узнали, с кем она перепихнулась впервые и сколько у неё партнёров было до нас. После этого семья Гавриловых переехала в другой город.

Виктор выдохнул. Боль отпускала.

– Тебе не было стыдно? – спросил кто-то.

– Чего я должен был стыдиться? – уточнил Виктор.

– Из-за тебя бедная девочка опозорилась на весь город.

– Во-первых, она сама предложила воспользоваться её телом, которое уже было подпорченным. Во-вторых, я не дол-

жен был отказываться от возможности узнать, что такое секс на практике. В-третьих, она не просила молчать о случившемся. Гаврилова не была бедной девочкой. Она была тихоней и занудой, в подсознании которой царил разврат. Подростки думают только о себе, и мне было абсолютно плевать, опозорится она или нет.

– Тебе должно быть стыдно сейчас!

– В таком случае всем зрителям тоже должно быть стыдно сейчас, а они уже не подростки, которые не понимают, что другие люди тоже что-то чувствуют. Вы издеваетесь надо мной. Почему же вам не стыдно?

– Ты добровольно согласился на роль узника.

– Гаврилова тоже добровольно согласилась... на роль шлюхи.

22

Разговор мог быть бесконечным, и Виктор предложил перейти к следующему эпизоду. Он знал, что раньше времени его не выпустят из этого злчного места, поэтому хотел отмучиться как можно быстрее. Крис согласился с ним, что было крайне удивительно.

– Следующий эпизод называется «Подвешивание», – объявил Олег Юрьевич.

Публика разразилась бурными аплодисментами.

Виктора передёрнуло. Его, как минимум, подвешат. Как

максимум, в наиболее извращённой форме. Сколько ему придётся висеть? Час? Два? Если он задохнётся? Почему-то Виктору казалось, что он будет висеть с верёвкой вокруг шеи. Рука невольно потянулась к шее. Кожа была горячей, и на ладони остались следы крови.

«Я не выйду отсюда живым... Они задушат меня...» – промелькнуло в голове.

На глазах навернулись слёзы. Марина была далеко. Быть может, она тоже не спала, успокаивая Инночку и проклиная про себя неудачника-мужа. Хотел бы он сейчас быть рядом с ней. Крик ребёнка невыносим, но все неудобства относительны.

По сравнению с сегодняшней бессонной ночью все прошлые ночи представлялись спокойными. Инночка редела и не давала уснуть, но никто не издевался над истерзанным телом отца. Никто не заключал его в колодки. Никто не фиксировал положение головы вилкой еретика. Никто не подвешивал. Что же будет в последнем эпизоде? Ему отрубят голову, доведя предыдущие пытки до логического завершения? Или стянут верёвку, обвивавшую шею, как можно сильнее, а потом будут наблюдать, как узник задыхается в конвульсиях? Виктор – актёр, но не тот актёр, который является заложником сценария. Виктор – актёр, который является заложником желаний публики.

Тем временем на сцене появилась виселица. Некая буква «П» с петлёй посередине. Петля уродливо болталась, ожидая

нового гостя.

Виктору захотелось курить. Он ощущал себя вором, которого вот-вот повесят, но даже в эпоху средневековья осуждённым на казнь предоставлялась возможность выкурить последнюю сигарету. Виктор же не курил с того момента, как переступил порог этого злачного места.

– У меня есть просьба, – сказал он.

Его голос уже не звучал тихо, словно писк пьяной мыши, и волнистое эхо прокатилось по залу.

– Говори, – сказал Крис.

– Я хочу сигарету.

Глаза Криса округлились. Палач не ожидал подобной наглости.

– Не положено! – рявкнул Крис.

Из зала послышался недовольный гул. Впервые за долгую ночь публика стала на сторону узника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.